

Акоп Назаретян

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ГЛОБАЛЬНОГО БУДУЩЕГО*

Аннотация. Согласно независимым расчётам, в XXI веке Земной цивилизации предстоит пережить полифуркацию, сопоставимую по эволюционному значению с появлением жизни. Каковы возможные сценарии? От чего может зависеть дальнейшее развитие событий? Автор отвечает на эти вопросы, используя модели синергетики, данные современной космологии, культурной антропологии и психологии.

Ключевые слова: Универсальная история; полифуркация; аттракторы; модели синергетики; сознание; смысл; идеология; жизнь; смерть; бессмертие; перенос личности на электронный носитель.

Abstract. According to independent calculations, in XXI century Earth civilization will experience polifurcation, comparable in its importance with life appearance. What are the possible scripts and on what can depend further contour? The author answers these questions, using the models of synergetics, data of modern cosmology, cultural anthropology and psychology.

Keywords: Universal history; polifurcation; attractors; synergetics models; consciousness; sense; ideology; life; death; immortality; transfer of personality on the electronic data carrier.

5. Смыслы жизни и образы смерти в эволюционной развёртке

*Есть ли в моей жизни смысл,
который не будет разрушен неминуемой
смертью, ожидающей меня?*

Л. Н. Толстой

Проблемы страха
смерти и жизненного
смысла

В индивидуальном развитии ценностный разрыв часто становится симптомом возрастного кризиса (взросления, «среднего возраста» или старения). В первой половине XX века выдающийся немецкий теолог-антифашист Д. Бонхоффер высказал убеждение, что человечество, освобождаясь от религиозных предрассудков и нужды в родительской опеке, достигает совершеннолетия и таким образом приближается к Богу [1]. Вместе с тем, обращает на себя внимание настораживающая смена типичных приёмов личностной защиты. *Вытеснение* внутренних

* Окончание. Начало: Развитие личности. – 2012. – №2. – С. 119–138.

противоречий (связанных с проблемой смерти и жизненного смысла) – защитный механизм, широко принятый в современном обществе, – имеет более выраженные неврозогенные последствия, чем *рационализация*, характерная для Нового времени. Отсюда наблюдаемая динамика может свидетельствовать не столько о взрослении, сколько о старении человечества.

По большому счёту, смысложизненные рефлексии завязаны на идеи бесконечности и абсолюта. Именно о них спотыкается критическое сознание, если ему удаётся справиться с проблемой изменчивости.

Рассогласование
ценностных
ориентаций
и смыслов

Едва ли даже образованные люди поголовно знакомы с теоремами К. Гёделя о неполноте логических доказательств или с рассуждениями М. Вебера о неполноте любой аксиологической системы, но многие интуитивно догадываются о недостижимости абсолютных критериев. Не случайно социологи фиксируют сильную отрицательную корреляцию между уровнем образования и религиозной верой [2; 3]. При таких обстоятельствах жизненные смыслы, а равно ценности и моральные резоны в западном обществе привязываются к эгоцентрированной картине мира: основания морали усматривают в том, что она способствует социальному успеху личности и её самореализации, на которой и строятся поиски смысла жизни.

Вместе с тем самоизоляция, дефицит непререкаемых авторитетов и требований оборачиваются растерянностью. В 1980-х годах психиатры отмечали десятикратный рост показателей депрессии у американцев на протяжении двух поколений [4]. В совокупности с неравномерностью исторического развития, интенсивными миграциями и неизбежным переплетением культур такое рассогласование ценностных ориентаций и смыслов грозит растущей неустойчивостью социальной системы.

Опыт преодоления
ситуаций утраты
смысла

Исторические аналогии свидетельствуют, что у человечества имеется опыт преодоления подобных ситуаций. Напомню лишь несколько характерных эпизодов.

«Знание есть
добродетель»

Речи Сократа зазвучали на улицах Афин тогда, когда ослабевшая вера горожан в промысел антропоморфных богов, всегда готовых наказать за нарушение установленных ими законов, превратила самого человека в «меру всех вещей». Растущее разнообразие индивидуальных критериев обернулось психологической растерянностью и социальной неустойчивостью: ведь потеря унифицированного основания нормативных отношений и гарантированных санкций грозила обрушить

эффективную систему человеческих взаимодействий (закон иерархических компенсаций).

Сократ не был ни «атеистом», ни «материалистом» в современном значении этих слов. Но не может быть и речи о произвольном вмешательстве богов в людские дела. Суть рационалистической аргументации Сократа в том, что навязанные извне законы и страх наказания необходимы для удержания в узде людей невежественных, а развитый ум, обладающий навыком анализа отдалённых последствий, сам создаёт правильные законы и им следует. Формула «знание есть добродетель» означала гарантию того, что умение логически мыслить унифицирует культурные нормы и ценности и возвращает обществу жизнеспособность надёжнее, чем детский страх небесной кары. Так мстительных богов, наделённых всем набором человеческих страстей и пороков, сменило деперсонифицированное Небо – беспристрастный источник абсолютной Мудрости, а идея индивидуальных свобод и человеческого разнообразия была уравновешена упорядочивающей силой знания.

Мудрость в том, чтобы понять требования мировой гармонии и сознательно следовать им

Осевой переворот в Китае сопровождался похожими по содержанию философскими дискуссиями. Там также были свои «софисты» и «риторы», а Конфуций (кстати, как и Сократ, не оставивший письменных текстов) и его последователи вместо «небесного божества» или «духов» поставили во главу угла «Небо» [5, с. 190]. Миром управляют не капризы и гнев богов, но игра безличных сил. Человек – единственный элемент мироздания, который обладает свободой не следовать своему *дао*, свернуть с предначертанного пути и тем самым внести беспорядок в ход вещей. Таким образом, мудрость состоит в том, чтобы понять и сознательно следовать требованиям мировой гармонии, а расплата за дурные (т.е. недальновидные) поступки обусловлена не волей небесных надзирателей, но естественным ходом вещей.

Изоморфизм в аргументации Сократа и конфуцианцев достаточно прозрачен: разум компенсирует дезорганизующий фактор индивидуальных свобод, возвращая личности универсальные смыслы.

Крупнейший востоковед Ф.И. Щербатский [6, с. 1–2] утверждал, что «нигде... дух отрицания и возмущения против оков традиционной морали и связанной с ними религии не выражался так ярко, как среди индийских материалистов». Однако их произведения были уничтожены брахманами, поэтому подробности их воззрений

Преодоление ситуации духовной растерянности в исламской культуре

с трудом реконструируются по полемическим выступлениям и искажённым пересказам их оппонентов [7; 8; 9].

Через полторы тысячи лет с ситуацией духовной растерянности из-за ослабления религиозных установок столкнулась исламская культура. Арабские зиндики и дахриты пришли к сходному выводу о «превосходстве немотивированного религиозно человеколюбия и нравственного поведения вообще над милосердием и нравственностью, диктуемыми представлением о потусторонних карах и наградах» [10, с. 185]. В свою очередь, они дали импульс становлению европейского Гуманизма, философии Возрождения и Прогресса как перспективы, наполняющей жизнь свободного от религии философа смыслом и радостью предвкушения.

Деантропоморфизации божества философами деистского и пантеистического направления

В духе деантропоморфизации божества решали вопрос философы деистского и пантеистического направления. Например, предложенная Б. Спинозой идея Богоматери помогла согласовать вселенский смысл индивидуального бытия с отказом от наивных представлений о потусторонней воле. Но набравшее силу убеждение европейцев во всемогущие «законы природы» воплотилось в механистическую картину мира и обернулось смысловым вакуумом.

В последующем как в науке, так и в обыденном сознании механистическая картина отходила на задний план. Акцент был перенесён на уникальность каждого события, а «очарование неповторимой личностью» (*fascination with personal identity*) стало распространённым ответом на ценностный разрыв [11, с. 115]. Теперь уже критерии добра и зла, роли последнего Арбитра, а в каком-то отношении и Демиурга вновь (как в Афинах времён Сократа!) взял на себя индивид.

В пространстве между крайностями скуки и жизненной угрозы

Такая ситуация способна временно удовлетворить человека со слабо выраженной чувствительностью к когнитивному диссонансу: в пространстве между крайностями скуки и жизненной угрозы он ощущает себя сносно. По наблюдению Ф. Арьеса [12], с начала XIX века постепенно ослабевал страх европейцев перед адскими муками; сохранялась лишь более или менее отчётливая вера в посмертное блаженство. По замечанию американского культуролога К. Вудворда, у его соотечественников традиционная вера в ад сохранялась дольше, но к 80-м годам XX века очень немногие из них допускали для себя перспективу вечного страдания [13], хотя США и остаются самой религиозной из западных стран. В целом общий уровень религиозности в мире

Эффективность
произвольного
конструирования
жизненных смыслов

снижается, несмотря на активную пропаганду (особенно в исламских регионах) [14].

В психологической литературе распространены споры о том, насколько эффективно *произвольное* конструирование жизненных смыслов. Виктор Франкл [15] утверждал, что сознательно «изобретённые» цели не устраняют дискомфорт (он уподобил веру в искусственно изобретённый смысл карабканью по канату, который мы сами же подкинули в воздух). Для человека более конструктивно и утешительно верить, что смысл содержится вне нас, а мы его только «открыли». Как подопытное животное не может понять причину своей боли, так люди не в силах понять высший смысл страданий.

И. Ялом считал позицию В. Франкла «по сути религиозной», основанной на представлении о существовании Бога (и, добавим, на неизменном приписывании Богу садистских качеств). Сам он убеждён, что смысловая атрибуция обусловлена стремлением к определённости, цельности когнитивной конструкции (гештальта) и ощущению субъективного контроля: «Даже если открытая человеком смысловая схема содержит представление о его слабости, беспомощности или незначительности, она всё же более комфортна, чем состояние неведения» [16, с. 518]. В этом плане даже категорический вывод о бессмысленности жизни способен ослаблять дисфорию неопределённости.

Факторы авторитета
психолога

Однако далее, связав проблему истории культуры с психотерапевтической практикой, И. Ялом высказал весьма спорное, на мой взгляд, суждение: «Убеждённость в том, что жизнь без достижения цели не полна, – не столько трагический экзистенциальный факт жизни, сколько западный миф, культуральный артефакт» [16, с. 526]. Исходя из этого, он считает, что психотерапевт должен отвлечь пациента от досужей проблемы бессмысленности, помочь ему «погрузиться в реку жизни и позволить вопросу уплыть» [16, с. 541].

При всём уважении к автору, сомневаюсь, что подобная терапия способна дать долгосрочный эффект. Скорее здесь могут «сработать» иррациональные факторы косвенного гипноза: высокий авторитет психолога, его личное обаяние или «влюблённость» пациента. Сомнение моё вызвано неубедительностью исходной посылки, будто потребность в смысле жизни составляет частную особенность новоевропейской культуры. Повторю: историко-антропологический анализ показывает, что в прежних эпохах она вовсе не отсутствовала, а более или менее успешно *удовлетворялась*.

Принятие
бессмысленности
бытия

Нельзя не признать правоту В. Франкла и ряда других психологов [11] в том, что принятие бессмысленности бытия, равно как и произвольно сконструированные смыслы, способны удовлетворить лишь частично (при этом не всегда и не всех). Личности с акцентуированной диссонансонеустойчивостью* испытывают настоящую нужду в невыдуманных и *вечных* основаниях смысла. Поскольку же вечность и абсолют долгое время оставались исключительной епархией религий, люди такого типа привычно обращаются к культам, ища в них «космическую значимость» индивидуальной жизни [17]. Или – впадают в отчаяние оттого, что «все труды веков, вдохновения и просветления человеческого духа обречены на гибель под обломками вселенной» [18, с. 107].

Что же нового способна предложить в этом плане современная наука?

6. Универсально-историческая парадигма

Новая парадигма воплощает в себе более оптимистическую картину для тех, кто ищет смысл бытия.

Пол Девис

Наука без религии
остаётся «хромой»

Исследуя социологическую подоплёку религии, американский учёный П. Бергер дал такое определение: «Религия – это дерзкая попытка представить всю Вселенную человечески значимой» [19, с. 28]. Здесь выделена как раз та смыслообразующая функция, которую было органически неспособно выполнить классическое научное мировоззрение, поскольку в его рамках признавались достойными внимания только модели, исключавшие такие категории, как *цель* и *субъект*, и главной задачей считалась «деантропоморфизация» исследуемого предмета. В таком контексте нечего было возразить по существу на известное замечание А. Эйнштейна о том, что наука без религии остаётся «хромой».

Сегодня наука
близка к тому, чтобы
принять на себя
смысловую функцию

За последние десятилетия концептуальная установка диаметрально изменилась. Сегодня наука близка к тому, чтобы принять на себя объединительную и смысловую функции, отсекая исконно присущую религии функцию группового разобщения («они – мы»). Совсем недавно выдающиеся астрофизики усматривали в суще-

* Как мы уже отмечали, именно из этого беспокойного и несчастного племени искони вырастали законодатели моды в области мировоззрений.

ствовании человека нечто среднее между «фарсом» и «высокой трагедией» [20, с. 144]. Мировоззренческие послы, которые четверть века назад были бы претенциозной философской спекуляцией, сегодня – строгие утверждения, подкреплённые разносторонней доказательной базой и расчётными процедурами. Антропосфера далеко превосходит по сложности остальной космос, а жизнь и деятельность людей, их мысли, фантазии, заблуждения и открытия составляют фронтальную зону развивающейся Метагалактики. Вместе с тем человеческие ценности, мораль и вся духовная культура являются продуктами космической эволюции и – только в этом пункте приходится перейти к области гипотез – дальнейшее развитие интеллекта может определить перспективу Вселенной.

Тоска сознания по
высоким смыслам

Понимание того, что жизнь является космологически фундаментальным фактом, что Вселенная человекомерна и самые существенные события Космоса складываются из наших мыслей и поступков, освобождает от необходимости в мистических откровениях. Человек превращается из исполнителя небесной воли в создателя (или разрушителя) Земли и неба. И это – один из живых источников, способных утолить тоску критического сознания по высоким смыслам.

Так в очередной раз воспроизводится старинная мировоззренческая интрига. Идейные отцы нынешних постмодернистов – софисты, киники, риторы Греции и Китая, возвысившие своих адептов над небесными надзирателями и объявившие человека «мерой всех вещей», – расшатывали общественные устои, ослабевшие с потерей веры в неизбежную кару за нарушение предустановленного закона. Время требовало новых философских учений, которые бы совместили свободу воли с организующей силой ума, – и таковые на пике осевой революции были предложены Сократом, Конфуцием, их творческими оппонентами и последователями.

Универсальная история делает *возможным* поиск ценностей и жизненных целей вне разобщающих человечество идеологий. Что же касается аксиологической неполноты, она снимается принятием хотя бы одной общезначимой ценности. Существует ли такая ценность?

Никто не доказал,
что жизнь лучше
смерти

Никому ещё не удалось доказать, что жизнь «лучше» смерти. Ежегодно сотни тысяч людей кончают самоубийством, ещё миллионы думают об этом и либо так и не осмеливаются на решающее действие, либо совершают «неудачные» попытки. Тем более преждевременно было

бы считать общезначимой ценность сохранения планетарной цивилизации – хотя бы потому, что на Земле живёт немало людей, усматривающих в цивилизации дьявольский промысел, злорадно ожидающих заслуженного человечеством Апокалипсиса или заявляющих о предпочтительности устранения агрессивного общества ради сохранения дикой природы и т.д. И всё же эта ценность наиболее приемлема для незамутнённого идеологиями ума. Если принять её в качестве стратегической на данном этапе истории, то в рамках современной междисциплинарной науки уже допустимо обсуждать приоритеты по критерию «хорошо – плохо», «добро – зло». И критически тестировать предыдущий исторический опыт, представленный, в частности, религиозными заповедями.

К чему следует стремиться?

Таким образом, суждения философов-кантианцев в том духе, что «разум... не может сказать нам, к чему следует стремиться» [21, с. 19], пора уже принимать *сигналы*. Кросс-культурные и сравнительно-исторические исследования демонстрируют такие чудовищные вариации в «категорических императивах», что трудно игнорировать факт их конструирования «коллективным бессознательным» применительно к конкретным историко-географическим условиям. Поднимаясь по причудливой лестнице интеллектуальной эволюции и многократно споткнувшись на её ступенях, человечество дошло до того этажа, на котором категорический императив и его производные могут конструироваться сознательно, с использованием грамотно интегрированного междисциплинарного знания. Коль скоро дальнейшая космическая эволюция, если она в принципе возможна, может быть только управляемой, то и управлять ею способно только сознание, самостоятельно выстраивающее стратегию и тактику.

Формулирование стратегических смысловых координат

По-прежнему, однако, остаются открытыми «ключевые вопросы»: *способно ли в принципе сознание вырваться из тотемно-клановых пут на просторы космически релевантного смыслообразования и успеет ли сознание землян освоить космические смыслы бытия? Я не исключаю, что решающей предпосылкой для смены стратегических смысловых координат и атрибуций может быть дальнейшее продвижение в направлении денатурализации носителя интеллекта с симбиотизацией его форм.*

При оптимальном сценарии можно ожидать, что в ближайшие десятилетия одним из мощных факторов,

ослабляющих нужду людей в мистическом авторитете, станет ускоренное совершенствование медицинских технологий. По мере того, как контроль над состояниями биологического организма будет более полным, глубоким, дешёвым и широко доступным (бросается в глаза аналогия с деструктивными возможностями новейших технологий), апелляция к потусторонней воле станет неуместной.

В «скучном» мире гарантированной безопасности основным источником острых эмоций должна стать виртуальная реальность, абсорбирующая социальное насилие, войны, болезни и прочие человеческие невзгоды. Полисенсорное вовлечение в события (интегрирующее зрение, слух, осязание, обоняние, а с ними внутрителесные ощущения, вестибулярный аппарат и т.д.) может обеспечить яркие переживания напряжённой борьбы, ярости, страха, радостей победы и горечи поражений, блаженства любви и трагизма потерь.

Логично ожидать, что дальнейшая денатурализация жизненных условий и самого человеческого организма включит в себя искусственную перестройку лимбической структуры, а с ней и функциональных потребностей, и оптимизацию нормативного эмоционального тонуса. Когда и если естественная амбивалентность эмоциональной сферы, предполагающая регулярную подпитку острыми «негативными» переживаниями, будет преодолена, бессознательная тяга к острым конфликтным ситуациям (хотя бы в виртуальной жизни) перестанет служить мотивационным фактором. Возможно, ведущую роль приобретут *интеллектуальные эмоции* [22; 23], связанные с муками творческого поиска и радостью открытий. По мере же того, как развивающийся интеллект будет «сбрасывать биологическую оболочку», сам механизм «пристрастной» целеориентированности и творческих мотиваций может решающим образом измениться.

Но как именно и что способно заменить знакомые нам эмоциональные двигатели? Мотивационная компонента «постсингулярного» разума представляет собой одну из главных загадок; по всей видимости, наличный опыт и даже языковые средства недостаточны для её убедительного решения. При попытке описать психологические слагаемые оптимального сценария особенно заметно, как с приближением к исторической сингулярности значения слов напрягаются, деформируются и расплываются.

Перспективы
оптимизации
нормативного
эмоционального
тонуса

Мотивационная
компонента
постсингулярного
разума

Ещё сильнее ощущается ограниченность актуальных семантических рядов при максималистской увязке жизненного смысла с бесконечностью и бессмертием...

7. Проблема бессмертия и языковая турбулентность

Конечность есть только эвфемизм
для ничтожества.

Людвиг Фейербах

Духовная ипостась
культуры

Как культура изначально нацелена на борьбу с энтропией, так её духовная ипостась концентрируется на идее бессмертия. Эта изначально смутная мечта, оформлявшаяся затем в мифах, возможно, была превращённой тоской по невинности «до-яблочной» Евы или животного предка, свободного от ноши избыточного знания...

На ранних этапах мечта (тоска?) о бессмертии уводила воображение в мир мёртвых или в тела других существ. Геродот утверждал, что у египтян, кроме образов потустороннего бытия, была распространена и идея метампсихоза. «Когда умирает тело, душа переходит в другое существо, как раз рождающееся в этот момент... Учение это заимствовали и некоторые эллины, как в древнее время, так и недавно. Я знаю их имена, но не называю» [цит. по: 24, с. 13]. Причудливое сочетание образов загробной жизни и реинкарнации (или круговорота «энергий» в живых формах) характерно в ещё большей мере для мистических учений Индии и Китая [25].

Амбиции бессмертия
элитных персон

В древние времена обозначились и сомнения в посмертном существовании души. «Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце до того, как вы /сами/ пойдёте туда, куда ушли они» – рассуждал автор «Песни арфиста», древнеегипетского произведения эпохи Среднего Царства [26, с. 514].

Вместе с тем строительство роскошных надгробий и пирамид свидетельствует об амбициях бессмертия элитных персон в *этом* мире (ср. Эпос о Гильгамеше). Иранцы (зороастризм) и иудеи связали бессмертие с загробным воздаянием и воскресением мёртвых. Христианство и ислам «демократизировали» идею, лишив высшую знать, пророков или «богоизбранный народ» привилегии на бессмертие.

Письменный текст и
время

Дополнительный импульс демократизации и одновременно демистификации (или приземлению) идеи далоразвитие письменности. В египетском папирусе

XV века до н.э. доходчиво показано, почему неподвластны смерти авторы и переписчики литературных произведений. «Они создают наследников себе в писаниях, в книгах поучений, созданных ими... Человек исчезает, и тело его превращается в грязь. Вся родня его приходит во прах, но его писания дают вспомнить его в устах читающего. Более полезна книга, чем дом строящего, чем часовня на Западе (т.е. на кладбище). Лучше она, чем дворец построенный, чем памятный камень в храме. Они ушли, их имена забыты. Писания заставили помнить их» [26, с. 517–518].

Письменный текст не подвержен разрушительному действию времени, так как может быть воспроизведён в неограниченном числе копий. Поэтому воплощённые в нём знания, мысли и образы обеспечивают духовное бытие автора после телесной смерти на бесконечную перспективу. Так нетленность содержания, зафиксированного рукописными знаками, подкрепляла притязания на «посюстороннее» бессмертие. Соответственно, если произведения архитекторов, скульпторов и художников долгое время оставались обращёнными преимущественно к богам, то письмо в сравнительно большей степени адресовалось людям*.

Смещения гарантий личного бессмертия

По мере того как в той или иной культуре усиливались настроения гуманизма, материализма или позитивизма, гарантии личного бессмертия смещались с трансцендентальной сферы в пространство коммуникации: посредством текста и сам автор, и персонажи, вовлечённые в сюжет, обретали перспективу вечного бытия. Пушкинское:

*«Нет, весь я не умру, душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит»*

– концентрированно выражает это убеждение. Поэт останется жив («славен») здесь, «в подлунном мире» до тех пор, пока кто-либо сохранит способность читать стихи...

Мифологизация физического бессмертия

Полностью не покидала людей и *мысль о физическом бессмертии*. Сказочные персонажи обретали его за заслуги или преступления, алхимики на Востоке и на Западе неустанно искали эликсир вечной молодости.

* Правда, богооткровенные религии содержали намёк на то, что сами буквы ниспосланы человеку Богом. На представленном в Матенадаране (Ереван) полотне живописца XIX века «Видение святому Месропу Маштоцу» создатель первого в истории христианского алфавита наносит знаки на скрижаль с глазами, устремлёнными в небо.

А скептики столь же настойчиво развенчивали эту неувядающую мечту, демонстрируя, что отношение к ней давно уже стало амбивалентным. В сказках, легендах и апокрифах (восходящих в основном к Средневековью) бессмертием чаще наделялись отрицательные герои типа Кощея или Дракулы, бесконечных ведьм, вампиров и прочей нечисти. Агасфер, отказавший в просьбе Иисусу, был проклят на земную жизнь до Второго пришествия. Столь же мрачен образ струльдбругов – обречённых на бессмертие социальных изгоев с родимыми пятнами вечного проклятья на лбу в «Приключениях Гулливера» Дж. Свифта. Фауст И. В. Гёте ради вечной молодости продал душу дьяволу. По зрелом размышлении обнаруживалось, что ум и душа человека ориентированы на *мечту* о бессмертии, но к осуществлению мечты они не готовы – реальное бессмертие несёт с собой разочарование бессмысленности...

Утопические идеи
возвращения
к жизни когда-либо
живших

Если не считать средневековых алхимиков, провозвестником «естественнонаучных» программ иммортализации в 1860–1870-х годах стал скромный московский библиотекарь Н. Ф. Фёдоров [27]. Его «философия общего дела» построена на убеждении, что в недалёком будущем естествознание достигнет таких успехов, которые позволят вернуть к жизни всех когда-либо живших на Земле людей, и выполнение этой вдохновенной задачи составляет моральную обязанность человечества. Поскольку же пространство нашей планеты будет в результате перегружено, людям с неизбежностью придётся заселять другие космические тела.

При всей её экстравагантности, мысль о практическом воскресении умерших (занятно переплетённая с учением Христа) оказала влияние на современников Н. Ф. Фёдорова. Имеются сведения о восторженном восприятии его работ Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским и другими русскими писателями и философами, а также некоторыми натуралистами. Хотя, например, «отец космонавтики» К. Э. Циолковский – последователь и отчасти ученик Фёдорова – высказывал противоречивые суждения по вопросу об индивидуальном бессмертии [8].

Вера во
всесокрушающую
силу разума

И – совсем неожиданный поворот: полухристианская идея технологически достижимого бессмертия оказалась созвучной «материалистической» вере большевиков во «всесокрушающую силу разума». Неизвестны печатные упоминания об учении Н. Ф. Фёдорова кем-либо из революционных авторитетов, однако, согласно разрозненным свидетельствам, в устных бесе-

дах о нём периодически вспоминали. Отмечается даже, что в 1924 году одним из аргументов за сохранение бальзамированного тела В. И. Ленина в специально построенном Мавзолее (это предложение вызвало неоднозначную реакцию в руководстве партии) послужила ссылка на перспективу его реанимации [28].

Бессмертие дел
в памяти потомков

Спустя годы советскому человеку трудно было поверить, что кто-либо из революционеров возражал против возведения Мавзолея на Красной площади, а тем более – что для этого понадобился столь экзотический аргумент. Неограниченное продление телесной жизни было объявлено «идеализмом», и акцент был перенесён на бессмертье дел в памяти потомков. Это относилось и к тому, кого советская пропаганда объявила самым великим из когда-либо живших на Земле людей: «Ленин и теперь живее всех живых»...

Личность как
отраженная
субъектность

Действительно, если рассматривать собственно личность (в отличие от тела или социальных функций) как «отражённую субъектность» или экстракорпоральный комплекс коммуникативно-семантических связей, то её существенный компонент – совокупность *вкладов* в мировосприятие других людей или следов, которые оставляет её деятельность в духовном пространстве. Специально разработанные эксперименты показали, что некоторые качества личности явно существуют «вне» телесной оболочки, оставаясь факторами социальных событий более или менее независимо от физического присутствия носителя этих качеств. Так, появление в комнате *фотографии* учителя влияет на действия школьников даже за пределами школы, причём в зависимости от авторитета или привлекательности данного учителя поведение изменяется по сравнению с нейтральной ситуацией (отсутствие фотографии) диаметрально противоположным образом [29].

Личность
в коммуникативно-
смысловом
пространстве
культуры

Несомненно, что личность как система значений, воплотившись в коммуникативно-смысловом пространстве культуры, оказывает влияние на мышление и поведение людей, а соответственно, на ход мировых событий вне однозначной зависимости от телесного присутствия субъекта. Экстракорпоральные параметры бытия позволяют выделить *духовное бессмертие* личности: пока существуют общество и культура, в их пространстве живут все личности, из действий которых складывалась История.

Здесь уместно обратить внимание на два дополнительных аспекта проблемы. С одной стороны, из школь-

Смерть как
прекращение
обратной связи

ного курса биологии известно, что в процессе метаболизма атомарный состав человеческого организма полностью обновляется за несколько лет, то есть в моём нынешнем теле нет ни одного из тех атомов, из которых оно состояло пять-семь лет тому назад. Отсюда – известная сентенция: «Жить значит умирать». Нечто подобное происходит и в сфере психического. Как бы мы ни отнеслись к гротескным перегибам самых темпераментных неофрейдистов, нельзя отрицать, что личность пожилого человека сохраняет следы первых дней жизни. Но столь же очевидно, что в три года, в десять лет, в двадцать и в шестьдесят перед нами разные личности: развивающаяся личность постоянно «умирает» или «перерождается» в новые содержания, теряя обаяние детства и юности, обретая с новым опытом так называемую мудрость или погружаясь в старческий маразм.

С другой стороны, реаниматологи и биоэтики спорят о различии между такими событиями, как смерть организма, смерть мозга, смерть сознания и т.д. А психиатры, травматологи и геронтологи хорошо знают, что при удовлетворительном состоянии прочих органов разрушение мозговых структур или необратимые функциональные расстройства психики способны выключить активную связь с социальной средой ещё драматичнее, чем полная смерть организма. Независимо от физиологических трактовок смерти, в коммуникативно-смысловом плане смерть – это прекращение обратной связи. Мы остаёмся под более или менее осознанным влиянием Сократа, Рафаэля, Пушкина (или – будем последовательны – Нерона и Гитлера), но не можем задать им новые вопросы. Это и означает, что «их с нами нет»**.

С информационной точки зрения, тезис «Наполеон умер 5 мая 1821 года», облюбованный старыми философами как иллюстрация абсолютной истины, означает, что 6 мая 1821 года по Григорианскому календарю ни

---

* И вот уже в кибернетике поставлен вопрос о «цифровом бессмертии» (*digitalimmortality*) – реанимации личности по сохранившейся информации о ней [30]. В 2005 году компанией *Hanson Robotics* был создан робот-двойник писателя Филиппа Дика с загруженными в примитивный мозг-компьютер произведениями писателя. С роботом можно разговаривать на темы творчества Дика. Рассказывая об этом эксперименте, российские исследователи В. Прайд и Д. Медведев высказали предположение, что «в перспективе человек будет считаться живым в различной степени в зависимости от сохранности информации о нем, полученной с помощью психологических опросников или записывающих устройств» [31, с. 106].

один журналист уже не мог взять у него интервью. А если правда, что предыдущие несколько лет бывший полководец пребывал в глубокой депрессии с симптомами потери памяти, то фактическая смерть личности, возможно, наступила раньше. Впрочем, степень невменяемости преждевременно одряхлевшего Наполеона может быть преувеличена, и тогда это не самый удачный пример. Но кто наблюдал людей в состоянии комы или прогрессирующего слабоумия, тот не мог не заметить, что выпадение личности из системы обратных связей происходит значительно раньше смерти тела...

Смерть становится микшированной для сознания

Так «смерть» становится ещё более расплывчатой, чем «рождение». В философской и культурной антропологии не утихают споры о том, на какой эволюционно-исторической стадии появился человек, и на какой – личность. Детские психологи много спорили о возрасте образования личности в онтогенезе. В связи с проблемой абортов обострились споры о моменте возникновения человека, души, сознания и т.д. Параллельно выяснялось, что и смерть – вовсе не одномоментное событие, а отношение жизнь–смерть применительно к личности в ещё большей степени континуально, чем применительно к организму: можно различать как *меры бытия* личности до смерти тела, так и *меры индивидуального бессмертия*.

Проходят дни и годы, и бегут века...

Есть имена, остающиеся столетиями на слуху, хотя мало кто из наших современников готов рассказать о них что-либо определённое. О том, как Конфуций, Будда и Сократ закладывали основы философии ненасилия, как Пифагор доказывал шарообразность Земли, как Аристотель разрабатывал законы двужначной логики, Ф. Бэкон «легализовал» индуктивный метод, а А. С. Попов фиксировал радиоволны, знают в основном профессионалы. Но и те, кто знаком с этими именами понаслышке, и те, кому они вовсе ни о чём не говорят, живут в пространстве их творческих прозрений. Например, современный европеец мыслит в логике Аристотеля и Бэкона, обычно не подозревая об этом. Есть произведения художников, архитекторов, музыкантов и поэтов, которые окружают нашу жизнь во множестве переизданий, фотографий, репродукций и исполнений, хотя имена авторов неведомы.

И, конечно, никто не вспомнит имена подавляющего большинства людей, в том числе и гениальных, через сотню-другую лет после их физической смерти – от изобретателей колеса или авторов народных баллад до собственных прапрабабушек. Однако потомки наделяют

миллионы живших ранее «творцов» и миллиарды «консерваторов» собственной «мускулатурой бытия», оставаясь многоликой имманацией их личностей, мотивов и дел. В нас воплощено всё, что мы сегодня сочтём подвижничеством и предательством, благородством и подлостью, жестокостью и милосердием, прозрениями и слепотой, мудростью и недоумием, хотя в дискурсах других культур и эпох оценки могли быть противоположными. Мы регулярно совершаем выбор в соответствии со *своими* представлениями и ценностями, образовавшимися на основании *их* исторического опыта. И всякое наше решение, всякая мысль и всякий образ есть ответ на решения, мысли и образы прежних поколений, «реплика» (по М. М. Бахтину) в тысячелетнем мировом полилоге...

Духовное бессмертие могло бы наполнить жизнь смыслом

Итак, «земное» духовное бессмертие, на которое, как мы видим, уповали уже наиболее прозорливые из древних, в принципе могло бы наполнить творческую жизнь смыслом. Но сегодня такое решение вопроса, равно как и апелляция к загробной жизни в раю или в теле лягушки, удовлетворяет не всех. Интенсифицируются поиски естественнонаучных методов неограниченного продления индивидуальной жизни и блокировки процессов старения.

Смерть – программа, заложенная в генетическом коде?

Биологи обнаружили гены запрограммированной смерти клеток, а самые смелые утверждают, что и смерть организма – это программа, заложенная в генетическом коде. Оказывается, существуют многоклеточные организмы, в том числе животные, свободные от генетических программ старения и смерти. К их числу некоторые исследователи относят морских актиний и пресноводных гидр, отдельные виды рыб и пресмыкающихся. Жемчужница – речной моллюск – живёт в северных реках лет двести, к тому же чем дольше живёт, тем лучше размножается, и всё время растёт. В конце концов, прикрепленная ко дну мышца не выдерживает веса отяжелевшей раковины, моллюск падает, заматывается илом и через несколько дней умирает от голода. Здесь смерть становится результатом не ослабления жизненных функций, а диспропорций роста. В интервью журналу «Эксперт» директор Института физико-химической биологии РАН В. П. Скулачёв высказал мнение, что организмы такого типа произошли от мутантов, лишённых программы старения, отсутствие которой не стало катастрофой для вида [32]. Тогда нельзя ли и в человеческом организме купировать нежелательные программы, превентивно отслеживая и смягчая неизбежные издержки?

Нанороботы
и перенос личности
на электронный
носитель

Со своей стороны, специалисты по микроэлектронике прогнозируют создание *нанороботов*, которые, будучи введены в кровь, станут оперативно устранять нарушения в жизнедеятельности клеток и тем самым сохранять дееспособность организма практически неограниченное время. Ещё более радикальный взгляд на человека как «информационный элемент» [33] предполагает в будущем *перенос личности на электронный носитель* (возможно, на рассеянное «облако» нанопроцессоров) с сохранением основных динамических функций. Сообщается о работах над созданием компьютерных моделей отдельных фрагментов неокортекса [34]. Прогнозируют и формирование «внешней коры» («экзокортекс») – системы интерфейсов, дополняющих и расширяющих мыслительные процессы человека. По оценке Р. Курцвейла [35], полная компьютерная симуляция человеческого мозга, а с ним – разума, личности и сознания будет достигнута к 2040-м годам, и число убеждённых приверженцев этого американского математика растёт в разных странах, включая Россию*.

Надежда
на сохранение
прежней личности –
от лукавого

Но вот незадача. При классическом метампсихозе душа не сохраняет отчётливую память о прошлой жизни, но как-то сохраняет идентичность на уровне эмоционального строя. В библейском раю, напротив, душа помнит о земной жизни, но освобождается от эмоционально-аффективной сферы – по меньшей мере, в негативном спектре. Частичными нейропсихологическими аналогами в том и другом случае могут служить, соответственно, травмы в теменной части головного мозга и лоботомия. Что же касается электронной реинкарнации, даже при самых благоприятных условиях смена телесных механизмов ощущения, восприятия, запоминания и формирования эмоций вне белково-углеводородного субстрата должна обернуться таким кардинальным перерождением субъекта, которое несоизмеримо с возрастными, травматическими и прочими изменениями в индивидуальном опыте. Поэтому надежда на сохранение *прежней* личности содержит долю лукавства. Более последовательной и реалистичной мне

* В феврале 2012 года в Москве состоялся представительный международный конгресс «Глобальное будущее – 2045», на котором выступал и сам автор сенсационного прогноза. Одним из организаторов и спонсором конгресса было общественное движение «Россия – 2045», идея и название которого заданы перспективой обеспечения индивидуального бессмертия к 2045 году (www.2045.ru). Ближе к этому направлению мыслит и «трансгуманистическое» движение (www.transhumanism-russia.ru).

представляется перспектива становления *качественно нового* разума через симбиоз белковых и электронных носителей.

Продвижение в иные измерения под влиянием интеллекта

Мы рассматриваем ещё более радикальный сценарий, связанный с продвижением в иные измерения и трансформацией свойств универсального пространства-времени под влиянием интеллекта. Рискну предположить, что совершенствующееся управление собственным телом в физическом времени растущей энтропии – это стадия развития, аттрактором которого станет овладение *временным вектором*. Это и был бы горизонт бессмертия, где управляющее Вселенной «бестелесное» сознание воплотит в себе миллиарды живых человеческих душ...

«Аттрактор» фантастического будущего так подозрительно смахивает на Второе пришествие

Но – стоп! Отчего «аттрактор» фантастического будущего так подозрительно смахивает на Второе пришествие в его множественных (в том числе дохристианских, полухристианских и послехристианских) версиях? Варианты ответа: 1 – убогое воображение автора не в состоянии расщепить вековые сюжетные конструкции; 2 – телеологический гештальт действительно нерасчленим; 3 – решающим ограничителем остаётся привычный язык.

Первый ответ (моё личное недомыслие) даже не заслуживает серьёзного обсуждения – найдутся более тонкие мыслители. Второй, как ранее показано, несёт в себе угрозу, ибо может означать атомарность тотемных смысловых конструкторов. А вот третий – обнадёживает, потому что уже на стадии денатурализации и симбиоза интеллектуальных форм дрейфующие семантические ряды неизбежно попадут в зону языковой турбулентности.

Содержания общепринятых понятий разительно изменяются от культуры к культуре и от эпохи к эпохе. Человек, переместившийся в начало XXI века из недалёкого прошлого, растерялся бы не только от бесконечных «гаджетов», «айпэдов» и «браузеров», но и от непонимания таких знакомых слов, как *насилие*, *кризис* и многие другие в их нынешнем употреблении.

Новые смысловые конфигурации в обозримом будущем

Сегодня понятия *личность*, *человек*, *сознание*, *дух* и *душа*, *живое* и *неживое*, *жизнь*, *смерть* и *бессмертие*, *время* и *вечность* не имеют общепринятых определений, но мы худо-бедно понимаем друг друга, ориентируясь в коннотативных полях. В обозримом будущем привычные содержания могут претерпеть такие драматические сдвиги, что тексты, произведённые спустя одно-два десятилетия (даже с использованием исключительно знакомых нам слов), будут с сегодняшних позиций непонятны.

Возможно, что именно расщепление семантических «сущностей», из которых складывается озвученная или неозвученная тоска по бессмертию, даст шанс сознанию землян (в той или иной субстратной ипостаси) выстроить новые смысловые конфигурации, освобождающие от оков тотемного (идеологического, религиозного) конструирования реальности. Тогда тоскующий по бессмертию Человек окажется эволюционным мостом между бессмертной Обезьяной и бессмертным Сверхразумом. И в неведомом «сверхчеловеческом» языке самый настырный из Смыслов добьётся, наконец, ответа от высокомерной Вечности, и от их любовного союза родятся новые метагалактики по сценарию астрофизика Ли Смолина, о котором мы ранее упоминали.

Сможет ли сознание вырваться из плена тотемных конструкторов?

Так складывается очередная редакция «ключевых вопросов» глобальной прогностики. Достаточно ли представленная перспектива «космической иммортализации» в качестве мотивационной оси планетарного смыслообразования? Или сознание не сможет вырваться из плена тотемных конструкторов, развитие пойдёт в сторону простого аттрактора и технологически могучая цивилизация Земли утонет в трясине конфликтующих идеологий?

1. *Бонхёффер Д.* Соппротивление и покорность. – М., 1994.
2. *Shupe A., Stacey W.* The Moral Majority constituency // The new Christian right: Mobilization and legitimation. – N.-Y., 1983. – P. 76–114.
3. *Stark R., Bainbride W.S.* The future of religion: Secularization, revival, and cult formation. – Berkley, 1985.
4. *Seligman M.E.P.* Boomer blues // Psychology Today. – 1988. – V. 22 (10). – P. 50–55.
5. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. – М., 2008.
6. *Щербатский Ф.И.* К истории материализма в Индии // Восточные записки. – Т. 1. – Л., 1927. – С. 1 – 10.
7. *Шахнович М.И.* Происхождение философии и атеизм. – Л., 1973.
8. Краткий очерк истории философии. – М., 1981.
9. *Вишев И.В.* Проблема личного бессмертия. – Новосибирск., 1990.

10. Сагадеев А.В. Гуманизм в классической мусульманской мысли // Историческая психология и социология истории. – 2009. – Т.2. – №1. – С. 180–186.
11. *Vaumeister R.F.* Meanings of life. – N. Y., 1991.
12. АрьесФ. Человек перед лицом смерти. – М., 1992.
13. *Woodward K.L.* Heaven // Newsweek. – 1989. – V. 113 (13), March 27. – P. 52–55.
14. Коротяев А.В., Столярова Т.И., Халтурина Д.А. Религиозность стран современного мира: сравнительный анализ // Историческая психология и социология истории. – 2012. – Т.5. – №2.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
16. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия. – М., 1999.
17. *Rothbaum S.* Between two worlds: Issues of separation and identity after leaving a religious continuity // Falling from the faith: Causes and consequences of religious apostasy. – Beverly Hills: Sage, 1988. – P. 205–228.
18. *Russel B.* Why I am not a Christian. – N. Y., 1957.
19. *Berger P.L.* The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion. – Garden City, N.Y., 1967.
20. Вайнберг С. Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной. – М., 1981.
21. Макашова Н.А. Этика и экономическая теория // Общественные науки и современность. – 1992. – №3. – С.12 – 26.
22. Вартамян Г.А., Петров Е.С. Эмоции и поведение. – Л., 1989.
23. Васильев И.А. Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности // Психологический журнал. – 1998 – №4. – С. 49–60.
24. Кеес Г. Заупокойные верования древних египтян. От истоков до исхода Среднего Царства. – СПб., 2005.
25. *Maspero H.* Taoism and Chinese Religion. – Ма., 1981.
26. Францев Ю.П. У истоков религии и свободомыслия. – М.; Л., 1959.
27. Фёдоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982.
28. О'Коннор Т.Э. Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики 1870–1926. – М., 1993.
29. Петровский В.А. Человек над ситуацией. – М., 2010.

30. *Bell G., Gray J.* Digital Immortality // Communications of the ACM. – 2001–№ 44 (3) – P. 28 – 31.

31. *Прайд В., Медведев Д.* Феномен NBIC-конвергенции: Реальность и ожидания // Философские науки. – 2008. – Т. 1. – С. 97–117.

32. *Костина Г.* Не глупее лосося // Эксперт. Общественно-национальный деловой журнал. – 2005. – №29–30. – С. 58 – 62.

33. *Дунин-Барковский В. Л.* Нейроинформатика в России и мире // Мозг: фундаментальные и прикладные проблемы. – М., 2010. – С. 220 – 223.

34. *Markram H.* The Blue Brain Project // Nature Neuroscience Review. – 2006. – V.7 (2). – P. 153–160.

35. *Kurzweil R.* The singularity is near: When humans transcend biology. – N.-Y., 2005.
